

О ельЦИНИЗМЕ

1. Метаморфозы Ельцина или перемена строя в русском варианте

Рождение новых правящих классов всегда протекает мучительно. Тем более, если при этом пытаются повернуть вспять колесо истории... В России и в других странах-наследницах СССР идет процесс, не имеющий исторического прецедента. На шестой части Земли неделимую бюрократическую государственную собственность и связанную с ней структуру власти переводят или пытаются перевести на фундамент частной собственности. Разрушенная и развалившаяся система государственного социализма накопила за последние десятилетия огромные материальные и духовные ресурсы, которые ныне «перераспределяются», а точнее присваиваются центральными и местными бюрократическими аппаратами, политическими, экономическими, военными и правоохранительно-административными, элитами на республиканском, национально-этническом, региональном и всесоюзном уровнях. И хотя этот процесс, называемый «переменой строя», в определенной степени укладывается в рамки «неолиберальной» перестройки мировой экономики, развернувшейся в 70-е годы и продолжающейся в наши дни, все же именно внутреннее расстройство, «неуправляемость» старого режима, столкновение его легитимации с реально достигнутыми результатами, элиминация имманентных альтернатив составляют в совокупности ту исходную точку, из которой проистекает столь большая роль и значение внешнего влияния.

Перестройка также была продуктом и выражением этого «внутреннего расстройства», и это так или иначе понимали все руководящие деятели этого времени. Уже Андропов в начале 80-х гг. осознал, что в мире произошли столь значительные перемены в экономической, социальной и культурной сферах,

а также в психологии масс, что в СССР дела смогут в основном идти по-старому лишь в том случае, если все изменится. Горбачев шагнул еще дальше: он уже знал, что если все изменится, то вести «дела» по-старому будет невозможно.

По своей первоначальной *легитимационной идеологии* перестройка была таким «реформенным процессом», более того, такой «революцией», конечная цель которой была определена как превращение бюрократического и экономически неэффективного государственно-социалистического способа производства в «демократический и самоуправленческий социализм», путь к которому ведет через многосекторную «социалистическую рыночную смешанную экономику».¹

Основное противоречие исторических результатов Горбачева состояло в том, что, с одной стороны, на первом этапе перестройки в Советском Союзе установилась невиданная прежде политическая свобода (гласность), но с другой стороны, правящая элита не установила никакой аутентичной связи с обществом. В результате этого провозглашенные экономические проекты и планы социальных преобразований либо остались кабинетными «секретами» интеллигенции и мудростями, похороненными в журналах, либо превратились в идеологию самооправдания руководителей и разных групп правящей элиты.

Метаморфозы Ельцина сами по себе показывают как хамелеоновую природу элиты, так и различные этапы советской перемены строя, а также возникавшие в ее ходе альтернативы. В 1988 г. Ельцин, старорежимный провинциальный аппаратчик, выступает в качестве неолевого лениниста, некоммуниста, критикующего перестройку «слева». Весной 1989 г. в роли пропагандиста «ленинского социалистического самоуправления и борьбы с бюрократическими привилегиями» он агитирует за гуманный социализм, означающий ликвидацию всех видов социального неравенства («нельзя оправдать никакое расслоение общества по имущественному признаку») и призывает к «борьбе за социальную и нравственную справедливость».² В следующем году Ельцин становится реформенным коммунистом в амплу апостола демократии и сторонника рыночной экономики, чтобы позже предстать перед нами законченным буржуазным демократом, который отрекся сначала от государственного социализма, реформировать который оказалось невозможно, а после августовского путча

1991 г. и от социализма вообще. Наконец, в 1993 г. он появляется в образе «диктатора», «Спасителя Отечества», действующего во имя Порядка и Капитализма.

Однако, если рассмотреть все это более конкретно, то выяснится, что на всех этапах своего «развития» Ельцин представлял и определенную преемственность. Мы хорошо помним, как в 1989 году он оправдывал сделанный им поворот неприятием государственно-бюрократической командной системы и концепцией самоуправленческого социализма, создавая тем самым представление о себе как о выходе из народа, который способен во имя народа сыграть роль «Спасителя Отечества» в борьбе с обладателями привилегий. (В создании такого имиджа Ельцину помогло его действительно народное происхождение.) В этом образе нетрудно разглядеть как ленинские и сталинские традиции, так и черты героя русской сказки, «добрého царя», наказывающего бюрократов, притесняющих народ.

В 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР как Горбачев, так и Ельцин выступали за общественную собственность трудовых коллективов, политическая основа которой была выражена в лозунге «Вся власть Советам». Они отвергли все проявления социального неравенства.³

Лишь в январе 1990 г. Ельцин в первый раз публично выразил сомнение относительно «научно-профессиональной основы» самой перестройки, концептуальной продуманности всего перестроечного процесса. Скрывалось ли за этим прозрением⁴ изменение во взглядах советников Ельцина, или сменились сами советники — это уже не слишком важно.

В дальнейшем преобразования Ельцина и процесс перемены строя развиваются как бы по венгерскому сценарию. Реформенный коммунизм превращается сначала в реформенный социализм, потом в реформу, позже в «рыночную экономику», а после августовского путча 1991 г. в воинствующий антикоммунизм. В центр этого антикоммунизма Ельцин теперь уже решительно ставит капитализм, прежде всего — частную собственность и осуществление приватизации, которые все отчетливее превращаются в гарантию прав человека и расширения демократии. В процессе разрушения СССР каждая республика определяется как носитель самостоятельной национальной рыночной экономики под знаком святой троицы «нации, рынка и демократии».

Ельцин ясно понимал, что попытка путча в августе 1991 г. состоялась во имя такой архаичной концентрации власти, которая уже не имеет шансов на успех в мире «Ост-модерн». Путчисты 91-го года, с одной стороны, не отделяли (или не хотели отделять) себя от старой советской традиции, а с другой стороны, не пользовались доверием Занада, поскольку не согласовали с ним заранее своих планов... Вся хореография путча производила архаичное впечатление, дрожащие руки Янаева как бы символизировали обреченность старой «гвардии». На нынешнем этапе изучения вряд ли можно точно определить, насколько Ельцин проник в сущность того исторического кризиса, контролировать который он взялся с такой энергией, хитростью и упорством, и который до сих пор не смел его самого. Однако можно с уверенностью утверждать, что аппараты власти, президентскую систему он создал вполне сознательно, используя исторический опыт противостояния центра и регионов, а также сталинские традиции функционирования аппаратов, «оплодотворенные» западной техникой политического менеджмента. В отличие от Горбачева, Ельцин преподносится в занятом им и его командой Центральном телевидении как человек не слов, а дела. Он показывает себя «западником», который в то же время обладает всеми особенностями «исконно» русского человека.

Заимствование новейшей западной терминологии и техники консервации власти, адаптация президентской системы «американского» типа, — все это укрепляло мнение аналитиков и политиков, журналистов и представителей средств массовой информации, что политические и экономические явления, наблюдающиеся в России, могут изучаться по аналогии с западным развитием. Именно поэтому наступила пора разочарований и потери иллюзий. Ведь на территории государств-наследников СССР возникли не «небольшие цветущие рыночные хозяйства» и «демократические парламентарные системы», а бюрократические «национальные диктатуры», хотя обычно с парламентарными украшениями, более того, в нескольких точках имперской периферии вспыхнули межэтнические войны, чтобы имперский центр в итоге смог осуществить своеобразную концентрацию власти.

2. Россия и Европа

Центр мировой системы не только способен управлять экономическими процессами в своих собственных интересах, но и определяет те главные интерпретационные возможности, которые соответствуют системе ценностей, интересам и стилю западной политической элиты, экономических и политических группировок.

В результате этого почти во всем мире сложилось единое поле интерпретаций для оценки событий в России. Стандартные модели анализа, господствующие в средствах массовой информации всего мира, в том числе и в Восточной Европе, обладают двумя главными особенностями. Во-первых, события в России (и в Восточной Европе вообще) исследуются на основе структурных форм развития западного Центра. Второе «наследство», тесно связанное с первым, состоит в том, что развитие описывается лишь с помощью бинарных оппозиций в рамках такого манихейского подхода к истории, при котором Добро и Зло всегда появляются в чистой форме. (Например, противопоставление Доброго Запада и Злого Востока вполне подходит странам Центра, но в то же время оно таит в себе и серьезную опасность поскольку мешает «ясному предвидению» и превращается в бумеранг самообмана).

При анализе такого типа излюбленными являются следующие противопоставления:

1. С одной стороны, существуют «демократы», с другой — «консерваторы» (сторонники «твердой линии», коммунисты и т. д.).
2. С одной стороны, существует «демократия», которую в данном случае представляет Ельцин, с другой — «диктатура», олицетворяемая сторонниками «твердой линии» (но к их числу в зависимости от хода борьбы за власть могут относить и бывших «демократов», например, Хасбулатова или Руцкого).
3. С одной стороны, прогрессивные западники, с другой — ретрограды — славянофилы ...

4. С одной стороны, исполнительная власть, с другой — законодатели, представляющие старый режим (в 1991 г. все было наоборот, тогда всесоюзная исполнительная власть отождествлялась со старым режимом, а парламент — с «новым»).
5. С одной стороны, злая коммунистическая номенклатура, с другой — невинный народ.
6. С одной стороны, добрый предприниматель, частный собственник, с другой — бюрократ, защищающий государственную собственность и т. д.

Конечно, в действительности западные политики, в отличие от пропагандистов, вели более гибкую политику по отношению к России. На конечном этапе перестройки, после путча 1991 г. восторжествовал такой образ мысли, согласно которому в распаде СССР нужно видеть не только освобождение от исторического конкурента, но и нечто иное, скрывающее в себе опасные для Запада процессы. После падения Горбачева на Западе усилилось стремление к поддержке нового «сильного человека», которому, как Горбачеву, можно эффективно помогать финансовыми обещаниями, чтобы он смог осуществить новую концентрацию власти в интересах дальнейшего развития «реформ» и «демократии».

От Сталина до Ельцина не было советского руководителя, которого не боготворил бы Запад. Когда Рейган в рамках своей «неолиберальной революции» заклеил СССР как «империю зла», дряхлеющий Брежнев уже символизировал такую историческую ситуацию, которая была чревата кризисом разложения. Горбачев и перестройка означали поворот в сторону мировой экономики, содержащий в себе возможности нового сотрудничества. С Горбачевым снова имело смысл «считаться».

Осуществление контроля над сырьевыми ресурсами СССР, России, СНГ относится к числу важнейших экономических (и политических) интересов Запада. Оно возможно лишь при «соответствующем» включении бывшего советского региона в систему мировой экономики. Сама по себе организация стабильного контроля над межэтническими конфликтами и

атомным арсеналом требует поддержки со стороны сильного русского руководства, однако по-настоящему грандиозная задача состоит в подключении государств-наследников СССР к мировой системе с учетом требований «нового мирового порядка», формирующегося начиная с 70-х гг.

Устрашающие социальные последствия дезиндустриализации России и ее поворота к мировой экономике также наводят на мысль о «разумности» использования поддержки сильного политического лидера. При современных предпосылках функционирования мировой системы такая осмотрительность вполне оправдана, поскольку приходится рассчитывать на длительный регресс в России и других государствах, возникших на территории СССР. «Иллюзия развития», прекрасно показанная И. Валлерстайном и Джованни Арригги в связи с отношением отдельных социально-экономических регионов к мировой системе в целом, будет быстро осознана в России подобно тому, как в Восточной Европе уже осознана иллюзия «присоединения к Европе». Вот что пишет об этом Арригги: «Богатство государств Центра аналогично хэдродовому олигархическому богатству. Оно не может стать всеобщим, поскольку основано на процессах эксплуатации и вытеснения, которые предполагают воспроизводство бедности среди подавляющего большинства населения мира.

Процессы вытеснения по крайней мере так же важны, как и процессы эксплуатации. Последнее выражение в том смысле, в каком мы его употребляем, означает, что относительная или абсолютная бедность в периферийных и полупериферийных государствах постоянно заставляет правительства этих государств, пусть даже и за грошсвую плату, принимать участие в международном разделении труда, давая тем самым возможность правителям и «управляемым» государств Центра класть в карман прибыль. В свою очередь, процессы вытеснения основаны на том факте, что олигархическое богатство государств Центра дает им возможность исключать правителей и «управляемых» периферийных и полупериферийных стран из круга потребителей ограниченных или иссякающих ресурсов.

Эти два процесса различны, но дополняют друг друга. Процессы эксплуатации дают странам Центра и их агентам средства для поддержания процессов вытеснения. А они, в свою очередь, порождают бедность, необходимую для того, чтобы заставить правителей и «управляемых» периферийных и полупериферийных стран принимать участие в международном разделении труда на условиях, благоприятных для стран Центра (делая возможной эксплуатацию) ...

Успех двойной борьбы содержит в себе и собственные пределы. Дело в том, что успешная борьба против вытеснения ведет к более интенсивной и многообразной эксплуатации полупериферийных стран государствами Центра и тем самым увеличивает возможности Центра в вытеснении этих стран из наиболее выгодно компенсируемых видов деятельности, а также в исключении их из использования небогатых ресурсов. С другой стороны, успешная борьба против эксплуатации ведет к самовытеснению с богатых рынков и самоудалению от источников динамичной инновации». ⁵

Полупериферийная Россия будет влиять в сторону снижения стоимости рабочей силы на мировом рынке в результате появления на нем «свободной» русской рабочей силы. Для капитала в этом состоит, быть может, наиболее выгодное следствие распада СССР, которое, однако, может нанести необыкновенный ущерб рабочей силе Центра. Наблюдающаяся ныне в России гиперинфляция (прибл. 30% в месяц), которую можно легко объяснить «глупостью русских дилетантов», ⁶ не только подталкивает процесс обеднения, не только обостряет социальные конфликты, но и, соединившись с приватизацией, ускоряет размывание традиционной промышленной культуры. На мировом рынке русская промышленность, естественно, не может стать конкурентоспособной, поскольку условия конкуренции и структура накопления всегда определялись за пределами России или СССР. Прежняя изоляция России была вызвана не каким-либо добровольным идеологическим решением, как раз наоборот, стремление «опереться на собственные силы», изоляция, «самовытеснение» были идеологическим рефлексом в ответ на сложившуюся историческую ситуацию.

В то время как международные финансовые организации (МВФ, Мировой банк и т. д.), а также лидеры Семерки после 1989 г. регулярно посылали в Россию своих экспертов, чтобы на основании якобы положительного боливийского и польского опыта испробовать свой неолиберальный рецепт, «шоковую терапию», получаемая информация все яснее свидетельствовала о том, что поддерживаемый и отчасти финансируемый (отсрочка долговых платежей, программы помощи и т. д.) Западом экономический эксперимент привел к таким результатам, которые получили со стороны некоторых критиков название политики «шока без терапии». Выяснилось, что эта политика не может продолжаться в рамках данной структуры, вот почему жертвы реформ в пропаганде превратились в их «решительных противников», а парламент, который некогда был главной опорой Ельцина, ныне стал учреждением, позорящим «исконные русские достоинства» и опять-таки противником реформ, что уже прокладывает прямую дорогу к 4-му октября, *русской аналогии венгерских событий 1956 г.* »Народный парламентаризм», непосредственное участие народных масс в политике отступило перед политическими и экономическими нуждами снова утверждающейся централизации. Восстание в поддержку парламента было последним, символическим событием перестройки. Гласность мертва. Но почему?

3. Парламент

Поначалу большинство парламентариев тоже думали, что могут описать себя и свои исторические возможности с помощью понятий, взятых из западной истории. Они не поняли, что *президентская система* (в России) является такой системой власти, которая принимает на себя роль прежней партии-государства, поскольку не существует никаких исторических предпосылок буржуазной демократии. Исполнительная власть, ставшая государственной властью, никак не может сосуществовать с парламентаризмом западного типа, ведь на

Западе парламент включает в себя представителей сложившихся партий, обладающих более или менее крепкими социальными корнями. Своеобразный российский парламент был опасен для президентской системы именно тем, что он был свободен от партийного диктата. Местные и личные интересы прямо, практически без всякой фильтрации противостояли президенту, который не мог принять ни одного существенного решения без согласия парламента. Пока парламент был занят уничтожением старого режима, не было заметно признаков его серьезных конфликтов с президентом. Чтобы понять причины падения парламента, имеет смысл рассмотреть его деятельность и достигнутые им результаты.

Еще Съезд народных депутатов СССР в марте 1990 г. одобрил введение президентской системы и аннулировал ту статью Конституции, в которой говорилось о руководящей роли КПСС, а в июне Съезд народных депутатов Российской федерации создал общие правовые рамки многопартийной политической системы. 11 сентября Съезд вотирует закон о переходе к рыночным отношениям и принимает т. н. 500-дневную программу Шаталина, предусматривавшую введение рыночной экономики. 22 мая 1991 г. Съезд народных депутатов России значительным большинством голосов принял закон о статусе президента Российской федерации. По этому закону, за который было подано 615 голосов (при 235 голосах против и 66 воздержавшихся), президент является высшим государственным должностным лицом Российской федерации и одновременно главой исполнительной власти. В его компетенцию входит назначение и снятие министров, в случае необходимости он может управлять посредством указов. Для финансирования предлагаемых президентом программ необходимо согласие Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Депутаты могут изменять любые президентские указы и обладают правом снятия президента, если тот нарушит законы или Конституцию Российской федерации или СССР. Президент, со своей стороны, не может распустить Съезд народных депутатов или Верховный Совет. Для облегчения деятельности президента, выбираемого непосредственно насе-

лением сроком на 5 лет, законом предусмотрена должность вице-президента.⁷

18—21 августа 1991 г., в дни путча российский парламент выпустил воззвание за подписью главы государства, Бориса Ельцина, главы правительства, Степана Силаева, и Руслана Хасбулатова, временного председателя парламента, в котором попытка захвата власти была названа антиконституционным реакционным государственным переворотом, а российскому населению был адресован призыв начать всеобщую политическую забастовку. Ельцин заявил, что берет на себя контроль за положением на территории Российской Федерации. Вместо прежнего флага РСФСР законодатели официально утвердили в качестве национального символа бело-синекрасное знамя Российской Республики, возникшей в результате февральской революции 1917 года. 1-го ноября подавляющим большинством голосов (816 «за» и 16 «против») депутаты одобрили программу экономических реформ, представленную Борисом Ельциным. Они согласились с планом перевода российской экономики на рыночную основу с быстротой, напоминающей «большой скачок», с проектом введения свободных цен, ликвидации предоставления предприятиям бюджетных дотаций и разрешения свободной купли-продажи земли. В другом постановлении парламент уполномочил Ельцина назначать членов российского правительства, произвольно изменять состав кабинета, оказывать влияние на назначение руководителей местных исполнительных органов. В то же время, своеобразно противореча самому себе, Съезд народных депутатов России во время дискуссии об изменении конституции 31-го октября 1991 г. не аннулировал ссылки на социализм в тексте российской Конституции. Сохранилось действие 15-й статьи брежневской Конституции, в которой говорится, что в социалистическом обществе основной целью производства является полное удовлетворение материальных и духовных потребностей народа. Не были ликвидированы и те ограничения, которые значительно затрудняли куплю-продажу земли.⁸

Кажется непримиримым противоречием, что парламент, с одной стороны, с помощью множества законов уничтожил

основные структуры государственного социализма и постепенно элиминировал возможности ведения коллективного хозяйствования негосударственного характера, чтобы открыть простор для распространения рыночных капиталистических отношений, а с другой стороны, как мы уже цитировали, не аннулировал ссылки на социализм в тексте Конституции. Этот «грех» парламента проистекал из его социального состава. Наряду с представителями традиционных аппаратов в парламенте присутствовали и представители слоев новых собственников, а также значительных групп интеллигенции, присоединившихся к «реконструкции» капитализма, открывающей перед ними новые перспективы. В то же время здесь в большом количестве были и такие депутаты, интересы и традиционные ценности которых определяли их привязанность к «достижениям советской модернизации»: всеобщей и полной занятости, относительной экзистенциальной безопасности, дешевым предметам широкого потребления и культурным услугам, хотя они надеялись, что все это может быть обеспечено в широких масштабах и на рыночной основе. Такое представление о рынке, конечно, опиралось не на возможности РОССИЙСКОЙ рыночной экономики, а на теоретическую догму, предположение, не имевшее под собой никакой реальной исторической и практической основы.

Социальная поддержка парламента была крайне ограниченной. Уже при Горбачеве столкновения между группами правящей элиты усилили пренебрежительное отношение общества к политике и укрепили его традиционную политическую апатию. Это, в свою очередь, «благоприятствовало» борьбе внутри элиты, поскольку различные политические группировки могли без помех сражаться за расширение политической власти или укрепление экономических позиций. Совершенно ясно, что описание этой сложной борьбы в виде столкновения коммунистических и антикоммунистических сил было бы непростительным упрощением. К тому же нет никаких достоверных исследований относительно того, какие политические, экономические и психологические процессы проходили или проходят в глубинных слоях общества в различных регионах страны.

В ходе этой борьбы парламент поздно заметил, что создав механизм президентской системы, утвердив личную власть Ельцина, он выполнил ту функцию, которая была возложена на него «демократами» и самим Ельциным. Депутаты взбунтовались тогда, когда уже было поздно. Поначалу сторонником Ельцина был и председатель Конституционного суда, Валерий Зорькин. Он прозрел лишь в декабре 1992 — марте 1993 г., когда стало ясно, что Ельцин хочет распустить парламент. Абсолютное большинство, которым располагал Ельцин в парламенте в 1991 г., весной 1993 года настолько растаяло, что он мог рассчитывать лишь на немногим более чем 20% депутатов.⁹ В этих условиях состоялся роспуск парламента, в связи с которым многие вспоминают разгон большевиками «болтающего парламента», Учредительного собрания, 6-го января 1918 г.

Караул устал... Только три четверти века назад большевики могли сослаться на революционную легитимацию советской власти, не признававшейся Учредительным собранием. А устранение парламента Ельциным может быть скорое расценено как карикатура на 18-е брюмера Луи Бонапарта, переворот, который Маркс назвал фарсом.

Карикатура на фарс!?

4. Coup d'état и противоборствующие стороны

Когда в понедельник вечером 21-го сентября Ельцин объявил о роспуске парламента «в защиту демократии и реформ», было уже ясно, что сделан лишь первый, начальный шаг на пути захвата всей полноты власти. Через один-два дня Ельцин, отключив свет и отопление, пригрозил парламентским депутатам, «защищавшим» Белый дом (Дом Советов), что если они до 4-го октября не покинут здания, то будут разогнаны военной силой. Это было сказано прямо, но лишь немногие приняли сказанное всерьез, ведь происходящее казалось настолько абсурдным. Белый дом был окружен милицией и отрядами ОМОН, а позже его огородили колючей проволо-

кой, при виде которой в одном из заголовков «Правды» от 1-го октября было заявлено: «Капитализм еще не построен, а в центре Москвы уже стоит ГУЛАГ». Стороннему наблюдателю, в том числе автору этих строк, вся волокита вокруг Белого дома казалась отчасти опереттой, отчасти трагикомедией, переходящей в драму абсурда. Как на стороне реальной власти, так и на стороне парламента искусственность, героические позы перемешивались с признаками выдержки и настоящей решимости. Например, в течение нескольких дней за колючей проволокой на ветру, под дождем стояли молодые люди с красными и андреевскими флагами. Пришедшая к ним мать не смогла передать им хлеба, потому что поступил приказ, что защитники Белого дома — «террористы и преступники». Сам Ельцин пользовался этими выражениями, заимствованными как будто из словаря сталинских времен...

Это был необычный путч. В отличие от августовской попытки 1991 года, для которой была характерна обращенность в прошлое, традиционализм, в 1993 г. произошел настоящий информационный путч эпохи постмодерн. Телевизионный путч. Вначале даже не было крови, только представители государственной власти декларировали намерение освободиться от всех ограничивающих ее, «вызывающих неразбериху» политических сил и прежде всего от парламента. Однако это обстоятельство не охладило задора москвичей, склонявшихся к протесту, а, как я видел своими глазами, скорее раскалило страсти, и к защитникам парламента присоединились и те, кто ранее однозначно симпатизировал антикоммунистической группировке Ельцина. Многие лишь тогда поняли, о чем идет речь на самом деле.

После 21 сентября, наряду с различными группами коммунистов, на сторону *парламента* встали такие партии, как Христианско-демократическая партия, Конституционно-демократическая партия, Социал-демократический центр, не говоря уже о тех левых партиях, которые с самого начала выступили против ельцинского прокапиталистического эксперимента, направленного на концентрацию власти, о бузгалинской Трудовой партии, о медведевской Социалистической пар-

тии трудящихся и т. д., которые уже гораздо раньше порвали со старой традицией партии-государства.¹⁰

Уже сам по себе этот факт заставляет считать политическим абсурдом и традиционной манипуляцией основной пропагандистский прием команды Ельцина, согласно которому массы демонстрантов, выступивших на стороне парламента, представляют «союз коммунистов и фашистов». Идеология «красно-коричневого союза» служила цели оправдания поворота, осуществленного самим Ельциным, она должна была доказать, что этот поворот защитит население от «коммунистических и фашистских террористов-преступников», которые, как сказал Гайдар в мелодраматической информационной программе, показанной по телевидению в ночь стрельбы, угрожают населению «новым ГУЛАГ-ом». Однако на самом деле подобная «право-девая» аргументация, следующая сталинской традиции, не имеет под собой никакой серьезной фактической основы.

Теория «коммуно-фашистского заговора», которая была пущена для оправдания ельцинской диктатуры за рубежом, превратилась в карикатуру на саму себя. Например, даже в проельцинской статье, опубликованной в австрийской газете «Профиль», численность фашистского отряда, пришедшего на площадь для защиты Белого дома, оценивалась максимум в 150 чел. Кажется не слишком вероятным, что 150 фашистов в «союзе» с несколькими тысячами коммунистов могли в то памятное кровавое воскресенье решить судьбу Москвы и России. В понедельник ночью бывший премьер-министр Гайдар, замерев в позе героя, произнес по телевидению свою драматическую речь о «коммуно-фашистском заговоре», о котором с тех пор говорят как о факте.¹¹

Бесспорно: даже вопреки позиции значительной части парламентских депутатов решающее большинство собравшихся у Белого дома демонстрантов представляли себе выход из экономического и политического кризиса не в соответствии с логикой и интересами капитала. Требуя немедленного прекращения *приватизации*, они вступили на путь, противоположный направлению перемены строя. С другой стороны, они

выступили с «освеженным» перестройкой старым требованием «*Вся власть Советам!*» Для них это означало повсеместные перевыборы бюрократизировавшихся советов с участием организаций по месту жительства и на производстве. Не вызывает удивления, что фашисты не поддержали этого требования. Между прочим, у людей, споривших около Белого дома, было необычайно много разных соображений относительно необходимых экономических и политических мер, однако контуров какой-либо единой программы не замечалось. Единодушно требовали собравшиеся *восстановления СССР*. В «официальных» речах необходимость восстановления СССР обосновывалась прежде всего реальностью межэтнических войн: пользуясь реминисценциями лозунгов старого режима, говорили о сознательном разрушении «дружбы и братского союза народов». Следовательно, в то время как сторонники Ельцина кричали о «пакте между сторонниками твердой линии, коммунистами и фашистами», собравшиеся перед зданием парламента произносили речи о «заговоре» ельцинистских «демократов» и Запада, прежде всего Америки. Эти две теории заговора заслонили собой как раз те проблемы, ради которых люди каждый день собирались несмотря на давление и подавление со стороны милиции.

Независимо от функции «красно-коричневой теории» не вызывает сомнений, что именно в связи с требованием восстановления СССР наблюдалось широкое формальное «единство» различных направлений от коммунистов до националистических популистов, от монархистов до фашистов. Однако понятно, что представители «советского патриотизма» и антисемитской, враждебной к иностранцам традиции великорусского шовинизма совершенно по-разному представляли себе этот подлежащий восстановлению Советский Союз. В действительности мысль о восстановлении СССР была не чужда и Ельцину, именно он, хотя и с третьей точки зрения, выступил с инициативой «реставрации». Как раз в дни путча Ельцин вел в рамках СНГ переговоры о восстановлении «единого экономического пространства» (хотя при этом он ясно дал понять, что считает себя образцом руководителя для

стран-членов СНГ). Следовательно, нельзя смешивать различные политические силы под лозунгом «имперской реставрации». Националистические популисты, сгруппировавшиеся вокруг газеты «День», определенно стояли на почве этнической концепции, согласно которой «СССР был разрушен» в результате «подрывной работы» «реформенной мафии», «сионистов» и «евреев». Эта группировка привнесла этнический мотив даже в обоснование неприятия приватизации, что сблизило их с черносотенными и фашистскими элементами, хотя, конечно, отождествлять их было бы ошибкой.

Таким образом, «парламентский лагерь» был крайне неоднородным по составу, что можно описать и с социальной точки зрения. Я видел там безработного рабочего, обнищавшую, лишенную даже веры уборщицу, бывшего преподавателя политэкономии, партийного аппаратчика и генерала на пенсии. Эта толпа состояла из жертв перемены строя. Молодые фашисты появились там скорее для того, чтобы их показали по телевидению. Иногда у меня было чувство, что это какая-то провокация, что хотят скомпрометировать тех, кто вышел к Белому дому на защиту парламента.¹² Руцкой и Хасбулатов, практически независимо от их намерений, стали олицетворением перечисленных выше и крайне неоднородных по составу группировок. Оба они были в значительной степени случайными фигурами в «большой политике», но все же обладали характерными чертами. Руцкой фигурировал в качестве «афганистанского героя», который, подобно Ельцину, отмежевался от старой системы, но, в отличие от него, выдвигал на передний план не реформы, а «нацию». Хасбулатов, демократ чеченской национальности, скоро стал мишенью насмешек со стороны политической прессы. Ни один из них не годился для дела сплочения поддерживавших парламентаризм политических группировок на борьбу с президентской диктатурой. Они не могли, а возможно и не хотели порвать с демагогией и вырваться из тисков «демократических реформ» и националистического популизма. Определяющее значение имел тот факт, что парламент располагал лишь второстепенным влиянием в прессе. В конечном итоге из-за отсутствия организо-

ванной и массовой поддержки Руцкой и Хасбулатов были покинуты различными политическими группировками и даже симпатизировавшими им военными, которые привыкли к тому, что всегда нужно присоединяться к сильнейшему, и придерживались политики выжидания, связанной с минимальным риском.

Другой лагерь, «демократы», в противовес парламенту поддерживали исполнительную власть и Ельцина, но и это сборище было таким же гетерогенным, как и предыдущее. Этот лагерь, который организационно может быть связан с движением Демократическая Россия, был политически менее ясно очерченным и дифференцированным по сравнению с лагерем «консерваторов». Поддерживавшие его массы также были достаточно пестрыми. Они включали в себя многих от старых реформенных коммунистов до антикоммунистических групп, игравших определенную оппозиционную роль при старом режиме. Ныне всех их связывает главная отличительная черта «западничества»: они вместе требуют дальнейшего расширения бесконтрольной приватизации, передачи земли в частную собственность и еще большей открытости российской экономики по отношению к мировому рынку. С другой стороны, все это смещается с резкой национальной и в то же время либеральной риторикой и антикоммунистическим пафосом. «Демократы» также считают одной из своих главных задач возрождение величия России как мировой державы. Однако больше всего этому мешает их собственная экономическая политика, поскольку распространение частной собственности и экономическая конкурентная борьба с Западом, в которой конкуренты с самого начала имеют неравные шансы, неизбежно укрепят процессы дезинтеграции.

«Реформенная интеллигенция», представляющая «западные ценности» и надеющаяся на их адаптацию в России, беспомощно наблюдала (и наблюдает) за тем, как в ее собственных рядах укрепляется православное «национальное сознание», «сумбурность». Еще не произошло структурного разделения консервативного национализма и либерального космополитизма. Решающей причиной здесь является то, что под воз-

действием известных исторических условий образование партий в России шло совсем не по линии западноевропейского развития. Почти все без исключения партии, как в центре, так и в различных регионах, являются организациями различных группировок правящей элиты (исключением могут считаться самое большее различные коммунистические партии, оставшиеся после КПСС).

Этот лагерь также получает поддержку со стороны старых государственных и партийных аппаратчиков, а также со стороны новых собственников, «выдвинувшихся» из комсомольского аппарата, и мафиозных группировок, находящихся в конфликте с законом. Между ними вряд ли можно провести точную границу, ведь некоторые старые аппаратчики и менеджеры еще во время перестройки использовали государственные фирмы и предприятия для собственного обогащения. Эти слои непосредственно заинтересованы в развитии капитализма, даже если это будет антигуманный капитализм балканского типа. Представители этих слоев редко выступают с публичными декларациями, оставляя это Ельцину и главным идеологам. Хотя новые правящие классы уже обзавелись соответствующими манерами и вещественными символами своего положения, все же их юридический статус, а также реальные экономические перспективы неопределенны, неупорядочены, а их политическое и нравственное сознание еще не сложилось. Даже ельцинская диктатура не смогла укрепить их уверенность в себе, для этого нужен более длительный исторический период...

Часть реформенной интеллигенции уже разочаровалась в этом лагере и как будто пожалела о том, что сражалась в его рядах. Символически это выразилось в том, что после центра Ростраповича на Красной площади она большей частью не присоединилась к проельцинской демонстрации, хотя организаторы явно «подогнали» к концерту демонстрацию в защиту ельцинского *coup d'état*. С социальной точки зрения участники этой демонстрации представляли три крупных слоя. Один из них был составлен из массы людей, униженных и оскорбленных при старом режиме, второй включал

в себя (мелких) дельцов, «торговцев», людей с неопределенным достатком, а третий — «прозревших» карьеристов из аппарата власти.

После роспуска парламента поворотным пунктом стало, по всей вероятности, 29 сентября. Несколько тысяч демонстрантов, собравшихся около станции метро «Баррикадная», без сомнения запомнят этот день как «кровавую среду». Власть русских «демократов» показала, где границы лояльности их «демократии» по отношению к инакомыслящим. В то время как люди с возгласами «фашисты!» «фашисты!» отступали к станции метро, солдаты ОМОН, получавшие добавочную плату 6 долларов в час, несколько раз методично избили их дубинками в стиле расправ в России эпохи рубежа столетий. Между тем часть избитой толпы состояла из возвращавшихся домой или случайных прохожих, не имевших понятия о том, что они угодили в демонстрацию противников ельцинской диктатуры. Как каждый путч, ельцинский переворот также начался с устрашения политически активных слоев, групп населения, а кончился их устранением. Первым ярчайшим проявлением этого были события 29-го сентября. Однако они лишь подлили масла в огонь...¹³

Ельцин сдержал свое обещание и 4-го октября в полном смысле слова «выкурил» парламентариев из Белого дома посредством кровавой военной операции... CNN показало, как разъяренные демонстранты перешли в наступление и во второй половине дня ценой нескольких убитых прорвали кордон, окружавший здание парламента. Поначалу казалось, что победителем станет назначенный парламентом новый президент Руцкой. Однако после «возвращения» Белого дома Руцкой и Хасбулатов призвали собравшихся занять здание телестудии «Останкино», что как с политической, так и с военной точки зрения оказалось полной бессмыслицей. Ельцин получил повод для приказа об осаде Белого дома, которую многие миллионы телезрителей во всем мире могли видеть в прямой телетрансляции.

На апатию и пассивное состояние армии указывало то, что взятие Дома Советов в конце концов состоялось под руковод-

ством бывшего главы политуправления Советской Армии. Старый, проверенный советский генерал, получивший в годы перемены строя известность Волкогонов (написанные им биографии Сталина и Троцкого — «шедевры» исторической науки этого времени) действовал без всякой жалости... Эта кровавая операция в жалкой форме показала политическую культуру и нравственный облик распавшейся правящей элиты. Ставший «либералом» генерал расправился с противниками ельцинского «большого скачка», но при этом вместе с Ельциным, Гайдаром, Поповым и другими выставил себя славным защитником демократии.

Однако «демократическая диктатура» либералов на этом не закончилась. В современном мире развитие не может остановиться на уровне открытой диктатуры, она никому не нужна...

5. Пиночет или/и Бонапарт? Сушность ельцинского режима

К историческим аналогиям нельзя относиться слишком серьезно. Исключением является такой случай, когда аналогией пользуются в структурном смысле для лучшего понимания современного явления, то есть, как раз для выявления в нем нового, оригинального содержания.

Сторонники *пиночетовской аналогии* безусловно правы в том, что окончательная вооруженная ликвидация социалистической (по названию) власти в России напоминает положение, сложившееся в Чили в 1973 году. Трудно отрицать и то, что концентрация власти, осуществленная Ельциным, утверждение его личной власти, президентской диктатуры произошло при непосредственной поддержке Запада, который в значительной степени предоставил и необходимые для этого финансовые средства. Как Пиночет, так и Ельцин прокладывали путь неолиберальной экономической политике. Без такой диктаторской концентрации власти было бы невозможно осуществить неолиберальную «терапию», в ходе которой под

влиянием разрушения традиционных промышленных и сельскохозяйственных структур с помощью приватизации, перераспределения собственности и других «технических» приемов возникает многомиллионная безработица, а экономика предельно приспособляется к влиянию мирового рынка. Без этого иностранный капитал не взял бы на себя даже разработку сырьевых ресурсов. Но такой поворот, как и предсказывали наблюдатели, невозможен без установления авторитарного диктаторского режима (что на правовом уровне блистательно доказывается ельцинским проектом конституции).

В то же время способ «наведения порядка», использованный Ельциным, явно отличается от пиночетовского варианта тем, что, во-первых, они опирались на различную социальную базу, ведь в России позиции отечественного и зарубежного капитала были слабее как в экономическом, так и в культурном и психологическом отношении. Разными были и исторические предпосылки и традиции. Во-вторых, Ельцин опирался в первую очередь не на армию, а на вооруженные отряды милицейского типа и бюрократические ответвления личной власти. В отличие от Пиночета Ельцин выступает защитником «демократии» и «свободы». «Демократы»-ельцинсты с самого начала стремились утаить настоящий характер президентской диктатуры. Пиночет называл вещи своими именами, он был и хотел казаться диктатором (в Чили было убито 40 тыс. человек). Ельцин (на совести которого минимум несколько сот погибших) в роли «отца всея Руси» представлял ту традицию, которая в предыдущие десятилетия сделала из него царька-аппаратчика. Ельцин выступает в образе не кровавого диктатора, а «справедливого владыки», который творит из хаоса долгожданный порядок и в конечном итоге не сделал ничего противозаконного, вот только его чиновники иногда выходят за рамки закона. Они запрещают оппозиционные газеты, они закрывают («по недоразумению») ранее легальные организации, ограничивают права профсоюзов и т. д. Недавно оказалось, что и «Правду» запретил не Ельцин, а один из его незадачливых чиновников.

Ельцин — «настоящий русский человек». Ему очень важно произвести такое впечатление, ведь еще отстранение Горбачева от власти сопровождалось упразднением СССР, а ныне реальной опасностью стал региональный распад России.¹⁴ В этой исторической ситуации нелегко казаться «спасителем нации». Оппозиционные группировки всегда подчеркивали зависимость Ельцина от Америки, которая стала очевидной как раз в период введения диктатуры. Даже репортер CNN во время трансляции событий 4-октября несколько раз повторил, что может возникнуть впечатление, будто события в Москве направляются из Америки.

В связи с этим в номере не правительственной и не оппозиционной «Независимой газеты» от 29 сентября было отмечено, что 28-го числа во второй половине дня в окруженный колючей проволокой и вооруженной до зубов милицией Белый дом, куда не допускались даже врачи скорой помощи, в виде исключения, по ходатайству американского посольства, стали пропускать американских журналистов, что с полной очевидностью ещё раз подтвердило мнение оппозиции, считающей, что этот режим находится на содержании у американской администрации.

Однако Ельцин, как *русский Пиночет*, не сможет укрепить свою власть. Авторитарная система в России за прошедшие десятилетия опиралась на твердые структуры и посредством этих структур на массовую социальную базу. Между царским самодержавием и общиной существовала такая же имманентная связь как между сталинской бюрократической системой во всех ее вариантах и банальностью государственной собственности. В свою очередь режим Ельцина хотел бы опереться на некую будущую, «приснившуюся» частнособственническую экономическую и политическую систему, формирование которой, как мы пытались показать выше, сопряжено с колоссальными трудностями. Сослагательное наклонение выражает нестабильность, «переходный характер» этого режима. Адекватным политическим выражением этого «переходного характера» является президентская концентрация власти, порождающая *аналогию с бонапартизмом*.

Русский бонапартизм имеет определенные исторические традиции. Это состояние появляется во время смены режима, в таких исторических ситуациях, когда старый режим уже, а новый еще не функционирует. Достаточно вспомнить режим Керенского в 1917 г., который уже в то время, после «июльских дней», многие рассматривали как потенциально бонапартистский. В результате экономического и политического кризиса, характеризовавшего перестройку и отчасти стимулированного ею, вместе с СССР распалось все здание государственного социализма. Одним из следствий этого стала цепь межэтнических конфликтов.¹⁵ Реальную социальную базу ельцинского опыта создания интеграции могут составить милиция, особые формирования милиции и органов безопасности, а также высокооплачиваемые армейские подразделения и группы бюрократов, заинтересованные в централизации; с другой стороны, Ельцин может рассчитывать на тонкий слой собственников и отирающихся около власти представителей интеллигенции. В этом смысле ельцинизм проводит эксперимент переиздания *национал-большевизма*, который ныне называется иначе: **РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ**. Этот современный «национал-демократизм» на деле вырос на началах, сформированных основателем национал-большевизма, бывшим колчаковским пропагандистом Николаем Устряловым. Его ключевые понятия: государство, собственность, национализм, то есть класс зажиточных сельских и городских частных собственников, который служит основой для сильной цезаристской власти. Устрялов считал носителем этой идеи Сталина, а сегодняшние устряловы и столпы считают им Ельцина. Сталин основательно «просеял» эту программу, Ельцин принимает ее, но на основании не советской, а думской власти. Между прочим, известный социолог, Питирим Сорокин, уже в 1921 г. почувствовал, что подобная «национальная демократия», основанная на неприятии парламентской демократии, открывает *путь к новому этатизму, ведущему к диктатуре сил «порядка», государственной клиентуры и новых собственнических слоев.*¹⁶

Ныне Ельцин, собственно говоря, действует в духе Устрялова, утверждая свой «термидорианский» режим, который может увенчаться формированием новой цезаристской власти. Утопия «молодцеватого мужика» ныне снова вошла в моду, ведь любой бонапартистский режим мечтает пустить корни в провинции. Факты свидетельствуют о том, что Ельцин ясно понимает заинтересованность армии изголодавшихся по власти молодых бюрократов, потенциальной буржуазии, тысячью нитей связанной с мафией, и определенных групп старой номенклатуры в установлении его личной власти. Именно поэтому представители этих слоев готовы так страстно и непримиримо бороться со всем, что напоминает социализм, отвергая любые коллективные и социальные ценности и с рвением неофитов отрицая их как собственное «проклятое прошлое».

Как мы видели, пример им подает сам Ельцин. Ему особенно важно морально и психологически уничтожить своих коммунистических противников, которые постоянно напоминают ему его собственное прошлое. Релевантным средством бонапартистской власти является целенаправленное наускивание друг на друга различных групп населения.

Хотя здесь не место говорить об альтернативной возможности развития, все же подобает хотя бы указать на то, что каким бы неизбежным и «закономерным» ни казалось возникновение новой авторитарной системы, вовсе не закономерно стремление в такой большой степени исключить из процесса создания этой системы ИСТОРИЮ. Это стремление неразумно, поскольку история постоянно «возвращается», стабильные исторические структуры продолжают жить в миллионах людей. Ельцин в такой степени подавляет свою оппозицию, что сам факт «подавления» придает оппозиционерам героический ореол, дополнительные нравственные и политические силы. Режим Ельцина отказывается даже от таких традиций, которые, собственно говоря, могли бы его укрепить: советники президента как будто забыли о том, что даже авангардизм не смог обойтись без определенных традиций. В то же время русская консервативная националистическая традиция как раз

подрывает «модернизационные» устремления нового режима. Ельцинизм строится на иллюзии, что в России может быть адаптирована, «введена» западная форма капитализма. Достаточно информационного господства государственной власти и «просветительство» обязательно принесет нужные плоды. В этом смысле Ельцин остался русским «народным бюрократом» (популистом) старого типа, которого одели по американской моде.

Ельцинизм порождает новую форму бесконтрольного господства исполнительной власти над обществом. Устранение советов и парламентаризма способствует не самоопределению общества, а укреплению цезаристской системы под предлогом борьбы со старым режимом. Обладая полной властью в области информации, Ельцин сам решает, быть или не быть и когда быть президентским выборам, сам определяет круг достойных поддержки политических объединений и партий, больше того, он сам вместе со своими советниками и членами своего правительства создал важнейшие партии, необходимые для выборов. Так, например, партийным союзом «Выбор России» руководят его ближайшие сподвижники (Гайдар, Шумейко, Полтаранин, Филатов и т. д.), а Российской партией единства и согласия, которую называют «партией регионов», непосредственно управляет ее «председатель», Сергей Шахрай. Независимо от Ельцина бонапартистский характер президентской системы выражается в том, что партии создаются сверху, и представители государственной власти сами управляют ими с помощью простого средства: денег, поскольку они распоряжаются денежными ресурсами.

Сущность ельцинизма состоит в одновременном исключении из политики крайне правых рецептов и народной инициативы. Однако устремленный в прошлое, консервативный авторитарный режим с его бонапартистскими тенденциями, пусть даже и опирающийся на гнетущую политическую апатию населения, может служить отечественным и зарубежным капиталистическим объединениям и финансовым органам лишь относительной гарантией того, что они смогут контролировать использование и перераспре-

деление российских сырьевых ресурсов и производственных мощностей.

Таким образом, ельцинизм с его «реформенной идеологией», порожденной чарами свободного рынка, представляет собой средство в процессе, «конечной целью» которого является вовлечение десятков миллионов производителей в новую, обусловленную системой мировой экономики структуру государственного капитализма.

Ельцинизм стал эпилогом старой и прологом новой, еще не устоявшейся системы. Ельцинизм — это переходное состояние, последний этап перемены строя... Бонапартистские режимы чреваты путчами и антипутчами..., реже они ведут к революции.